

В ПОИСКАХ ГНЕЗДОВСКОГО ПОРТА

© 2007 г. В.В. Мурашева

Государственный Исторический музей, Москва

Гнездово – один из самых знаменитых памятников эпохи образования Древнерусского государства (IX–XI вв.). Гнездовский археологический комплекс состоит из двух городищ, обширного открытого поселения и восьми курганных групп (Пушкина, 1996а. С. 20). Всеми исследователями признается (Авдусин, 1971; Пушкина, 1996а; Нефедов, 1998 и др.), что этот памятник является ключевым пунктом на пути “из варяг в греки”, описанном в Повести Временных Лет: “Был путь из варяг в греки и из грек по Днепру, и в верховьях Днепра волок до Ловати, и по Ловати можно войти в Ильмень озеро великое, из того же озера потечет Волхов, и втечет в озеро великое Нево, и устье того озера внидет в море Варяжское”.

Памятник исследуется уже более 130 лет, однако далеко не все вопросы, связанные с исторической топографией Гнездова, к настоящему моменту выяснены. В частности, не было выявлено никаких структур, связанных с функционированием Гнездова в качестве речного порта.

Новые возможности для исследования структуры памятника открыло выявление культурного слоя на территории ныне затопляемой высокой поймы Днепра, перекрытого мощным слоем аллювиальных отложений. Это дало толчок исследованиям в области реконструкции палеоландшафта на базе использования естественно-научных методов. Результаты исследований показали, что момент возникновения поселения относится к этапу слабой поемности и некоторой засушливости климата, когда пойма Днепра была занята лесной растительностью и вполне пригодна для обитания, русло же Днепра располагалось севернее и находилось ближе к Центральному городищу (Зазовская, Бронникова, 2001; Александровский и др., 2006). Полученные данные со всей очевидностью показали, что ландшафт эпохи гнездовского комплекса в значительной степени отличался от современного и задали направление для новых исследований, нацеленных на изучение топографии пойменной части поселения.

Внимание исследователей Гнездова в течение многих лет привлекало оз. Бездонка, расположенное у подножия Центрального городища. Оно имеет почти правильную прямоугольную форму и, во время весенних паводков, соединяется с р. Свинец, притоком Днепра. Само расположение озера за-

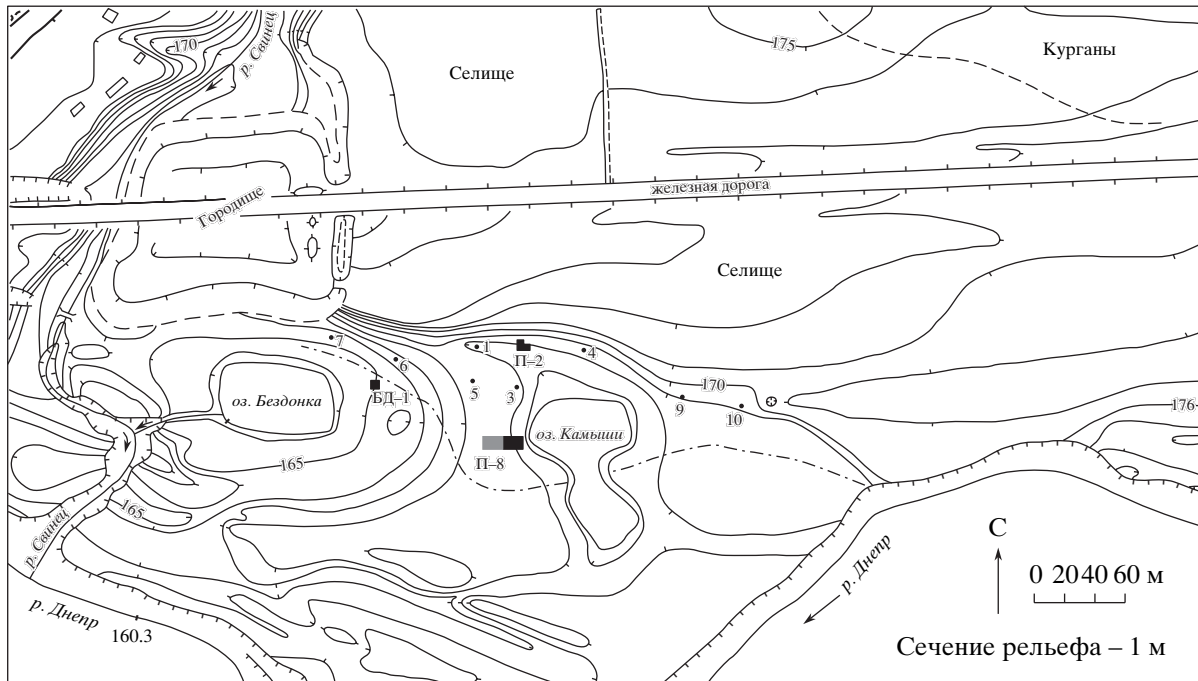
ставило предполагать, что оно могло быть использовано в качестве небольшой внутренней гавани (рис. 1).

С целью выяснения характера напластований в районе оз. Бездонка было произведено разведочное бурение, работа осуществлялась совместно с кафедрой геоморфологии географического факультета МГУ¹. В результате разведочных работ был выявлен участок с прослойками хорошо сохранившегося дерева. На основании итогов бурения, во время полевого сезона 2005 г., был заложен раскоп площадью 24 м². В ходе раскопок была выявлена сложная, хорошо стратифицированная система отложений. Переувлажненность слоя обусловила сохранность дерева. Целью данной статьи является предварительная публикация материала, полученного в результате раскопок.

В ходе исследования слоя удалось проследить динамику изменения характера использования данной территории. Было выявлено пять стратиграфических уровней (слоев), соответствующих этапам освоения и использования данного участка. Строительные горизонты полностью или частично были разделены стерильными прослойками. Каждый слой является, по сути дела, совокупностью прослоек, которые появились, вероятно, в связи с необходимостью подновления конструкций (настилов) в результате регулярных подтоплений (о которых свидетельствуют многочисленные тонкие намывы песка).

Культурный слой оказался перекрыт аллювиальными отложениями, мощностью до 90 см. Верхняя часть культурных отложений представлена совокупностью слоев, получивших название “пожар I”. Основная составляющая слоя – гумусированная супесь с активным включением угля, иногда лежащего аморфными пятнами. Внутри слоя читаются отдельные тонкие прослойки песка (намывы?). В верхнем слое дерево не сохранилось, и поэтому его характер определить сложно. В составе слоя обнаружено два небольших каменных

¹ Руководство работами осуществлялось доц. А.В. Паниным, в разведке также принимали участие с.н.с. ИГ РАН М.А. Бронникова, в.н.с. отдела археологических памятников ГИМ В.В. Мурашева, студент географического факультета Н.В. Борисенко, студенты исторического факультета С.С. Зозуля, А.А. Фетисов. В раскопках и обработке материала принимала участие сотрудник отдела археологических памятников ГИМ С.А. Авдусина.

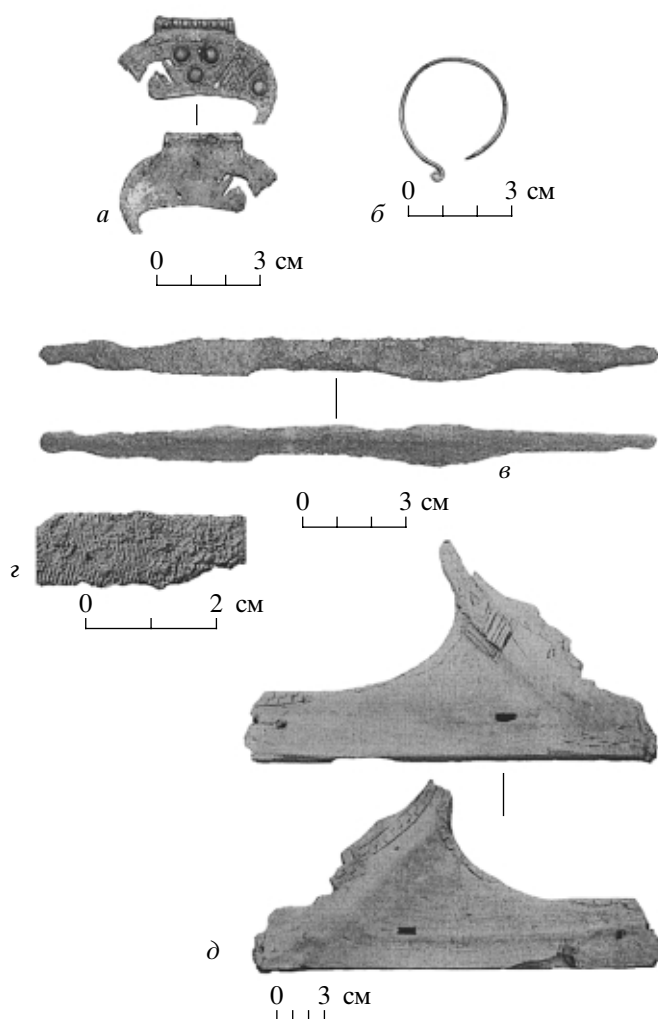
- 1
- 2

Рис. 1. Гнездовский археологический комплекс. 1 – шурфы; 2 – раскопы 1999–2005 гг.

очажка, около которых зафиксированы скопления плохо сохранившихся костей животных, а также лунница, отлитая по оттиску сканно-зерненного изделия из свинцово-оловянного сплава (рис. 2, а). Подвеска копирует ширококорые лунницы, которые часто встречаются в кладах (Корзухина, 1954. Табл. VII, VIII, XXV). Сканно-зерненная модель, которая использовалась для оттиска, была украшена двойными зигзагообразными линиями зерни и напаянными полушариками, окаймленными колечками зерни. Серебряная лунница такого типа была найдена в Гнездове в 1993 г. в составе клада (Пушкина, 1996б. С. 174. Рис. 11, 2). Вторая находка, заслуживающая внимания, – проволочное височное кольцо из медного сплава с завитком на одном конце (рис. 2, б). Диаметр кольца – 3 см, один конец проволоки раскован и закручен в спираль, второй заострен. Подобные кольца в Гнездове неоднократно встречены как в составе культурного слоя поселения, так и в погребениях, однако большая их часть изготовлена из серебра и их диаметр не превышает 2.5 см. Лишь один экземпляр, найденный в переотложенном культурном слое селища, сделан из медного сплава и может быть датирован, по мнению Т.А. Пушкиной, XI в. (1987. С. 52, 53).

Под верхним слоем была выявлена целая система дощатых настилов. Можно с уверенностью го-

ворить о трех строительных горизонтах, частично или полностью разделенных прослойками аллювиального происхождения. В составе каждого из горизонтов фиксируются тончайшие прослойки стерильной супеси или песка, свидетельствующие о регулярном подтоплении конструкций. В составе верхнего из настилов, получившего название “настил I”, зафиксированы многочисленные, плотно уложенные некрупные доски (максимальный размер – 63 × 15 см). Под слоем, насыщенным древесными остатками, обнаружены подстилающие его конструкции из бересты (рис. 3, а), условно названные “циновками”. Они представляют собой коврики из плотно уложенных полос бересты шириной до 20 см, концы которых загнуты вниз, и образующих более или менее правильную геометрическую форму, читается крестообразная система расположения полос. “Циновки” расположены в соответствии с определенной системой, расстояние между ними 60–90 см. Удалось проследить остатки четырех “циновок”. Лучшее всего сохранившаяся “циновка” расположена в центре южной части раскопа (рис. 3, б), ее размеры – 112 × 75 см. Возможно, берестяные коврики использовались для гидроизоляции (в этом качестве береста использовалась в домостроительстве – см., напр., Асташова, 1979. С. 9), однако аналогий подобным объектам обнаружить не удалось.

Рис. 2. Находки из раскопа на берегу оз. Бездонка: а – лунница (свинцово-оловянный сплав); б – височное кольцо (медный сплав); в – напильник (железо); г – однорядная волнообразная насечка на полосе напильника (железо); д – уключина (дерево).

Находок в составе слоя немного, большую их часть составляют стеклянные бусы, наиболее значимой из находок является половина дирхема (Саманиды, имя эмира, халифа, год чеканки срезаны, тип Исмаил б. Ахмад, 892–914 гг.²).

Конструкции нижележащего слоя “настил 2” носят совсем иной характер – настил однослойный, берестяные коврики отсутствуют. Сооружение состоит из крупных досок (рис. 4). Несколько досок лежат параллельно друг другу, вниз по склону и вытянуты в направлении с СЗ на ЮВ, маркируя путь с первой надпойменной террасы к оз. Бездонка.

Самый нижний уровень – слой “настил 3” перекрыт особенно мощной прослойкой серого оглеенного суглинка мощностью до 25 см. Предполагать однозначно аллювиальное происхождение данной прослойки сложно. Во-первых, ее мощ-

ность слишком велика, и в условиях низкой поемности в гнездовское время (Зазовская, Бронникова, 2001. С. 199, 200) подобный слой образоваться не мог. Во-вторых, в составе суглинка встречаются отдельные включения щепы и мелких веток, что заставляет предполагать участие антропогенного фактора в ее формировании. Возможно, слой сформировался в результате целенаправленного создания подсыпки для улучшения подходов к озеру, либо это был грандиозный выброс материала при масштабных строительных работах.

Слой, получивший название “настил 3”, составлен мокрым серым оглеенным гумусированным суглинком с включением угля. Определенно утверждать, что он является остатками настила, невозможно, так как сохранились лишь фрагменты беспорядочно лежащих досок и жердей. Очень важно отметить, что в составе слоя зафиксирована только лепная керамика (мелкие фрагменты).

² Определение А.В. Фомина, отдел нумизматики ГИМ.

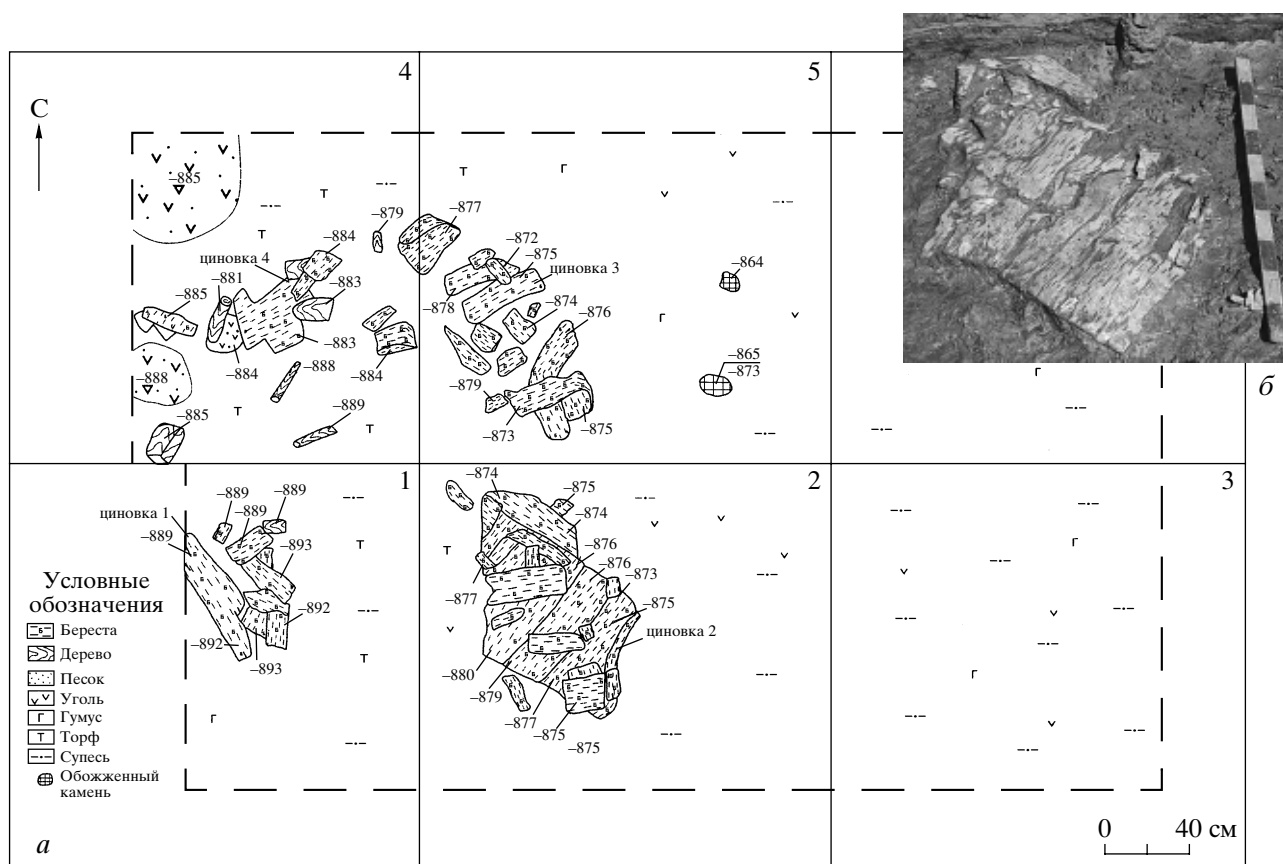

Рис. 3. Берестяные конструкции: а – расположение берестяных конструкций в слое “настил 1”; б – берестяная “циновка”.

Единственной индивидуальной находкой в рамках данного строительного горизонта является слесарный инструмент – крупный напильник (рис. 2, в). Напильник имеет треугольное сечение рабочей части, в конце инструмента сечение меняется – две грани сглажены проковкой, образуя закругляющуюся поверхность. Б.А. Колчин, исследовавший древнерусские слесарные инструменты, приводит информацию о диапазоне размеров полотна напильников – она колеблется от 6.8 до 13.5 см (1953. С. 66). Гнездовский инструмент выделяется своим крупным размером, длина его полотна – 18.7 см, ширина стороны – 1.3 см. Сохранность металла – не очень хорошая, однако в процессе реставрации³ удалось выявить фрагменты однорядной волнообразной насечки (рис. 2, з), нанесенной как на основную (треугольную в сечении), так и на закругленную части полотна.

Напильник – не редкая находка в составе слоя древнерусских памятников домонгольского периода (Колчин, 1953. С. 66). В Гнездове найдены три экземпляра напильников, два из них, так же как и рассматриваемый инструмент, имеют треугольное сечение, однако насечка на них нанесена перекрестная (Енисосова, 1999. С. 57, 58). Напильник,

найденный в самых ранних напластованиях около оз. Бездонка, превосходит все ранее найденные в Гнездове своими размерами (самый крупный достигал в длину 14.5 см). В Северной Европе напильники использовались не только в эпоху викингов (Westphalen, 2002. S. 35–37. Taf. 4, 6–11; Arrhenius, 1993. P. 193), но и ранее, например несколько экземпляров найдены в составе слоя Хельго на территории Швеции (Tomtlund, 1978. S. 16). Крупные напильники, в том числе и намного превосходящие гнездовский экземпляр (до 41 см в длину), найдены на территории Норвегии (Petersen, 1951. S. 94, 95) и в составе Местермюрского клада на о. Готланд (Arwidsson, Berg, 1983. Pl. 22, 23). Интересно отметить, что гнездовский экземпляр имеет ряд уникальных особенностей – переменное сечение, позволяющее выполнять различные виды слесарных операций, и волнообразную насечку.

Под слоем “настил 3” было обнаружено траншееобразное сооружение (яма 2 – рис. 5). Траншея ориентирована так же, как и вышележащие настилы – она вытянута в направлении ЮЗ-СВ (от террасы к оз. Бездонка). Ширина траншеи – 160–172 см, глубина от уровня материка – 45–50 см. На южном борту зафиксированы остатки деревянной обкладки из тонких бревен и жердей. Дли-

³ Реставрация выполнена А.В. Григорьевым.

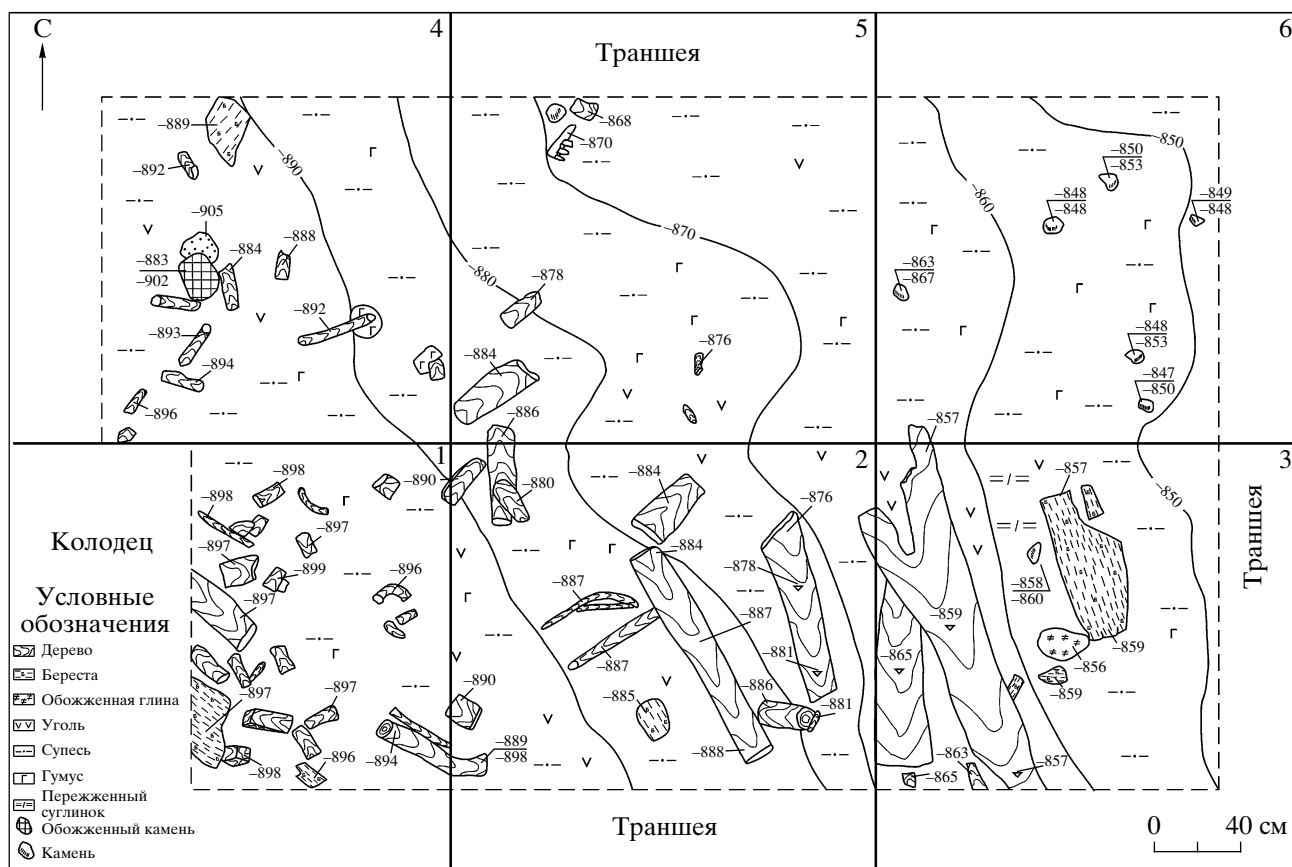

Рис. 4. Слой “настил 2”.

на самого большого из бревен – 100 см, диаметр – 20 см.

В составе заполнения канавы была найдена корабельная деревянная уключина размером $28 \times 13,7$ см (рис. 2, д). Уключина – это бортовой упор для гребельных весел (Колчин, 1968. С. 59). Уключины вырезались из одного куска дерева с сучком и крепились к борту судна, в специальное отверстие продевалась ременная или веревочная петля, в которую вставлялась рукоять весла. Типология уключин на материале северо-запада Руси разработана П.Е. Сорокиным, в основу типологии положены конструктивные особенности – способы крепления ремня к деревянной части и система крепления последней к борту судна (1997. С. 36). Края гнездовского экземпляра обломаны (части конструктивных особенностей могут быть утрачены), однако его, вероятно, можно отнести к типу I, варианту 1 (уключины со сквозным поперечным отверстием для ремня у основания рога, крепившиеся к борту через горизонтальные отверстия у основания). Подобные уключины наиболее широко представлены в археологических материалах и бытуют с VIII по XIV в. Уключины использовались чаще всего на судах средних размеров (малые

лодки приводились в движение, как правило, одним большим веслом, а крупные суда имели специальные порты для весел – Сорокин, 1997. С. 37), что полностью соответствует умозрительным представлениям о судах, ходивших по внутренним рекам Восточной Европы.

Уключины – не редкая находка в составе культурного слоя поселений северо-запада Руси, они найдены в Новгороде, Старой Ладоге, Пскове и Орешке (Сорокин, 1997. С. 36), однако уникальность гнездовского экземпляра обусловлена тем, что это единственный предмет, украшенный орнаментом. На верхний край уключины с лицевой и оборотной стороны нанесен резной узор в виде стилизованной, “лестничной” плетенки, рог украшен углубленным треугольником и расходящейся косой насечкой. Орнамент в виде стилизованной плетенки украшает край скандинавских наконечников ножен мечей (Сизов, 1902. Табл. VIII, б) и борт круглых фибул (Сизов, 1902. Табл. I, 11). Таким образом, характер орнамента указывает на скандинавское происхождение судна. Уключина, найденная в Гнездове, – единственная на территории Восточной Европы украшена резьбой. В Северной Европе известен лишь один орнаментированный

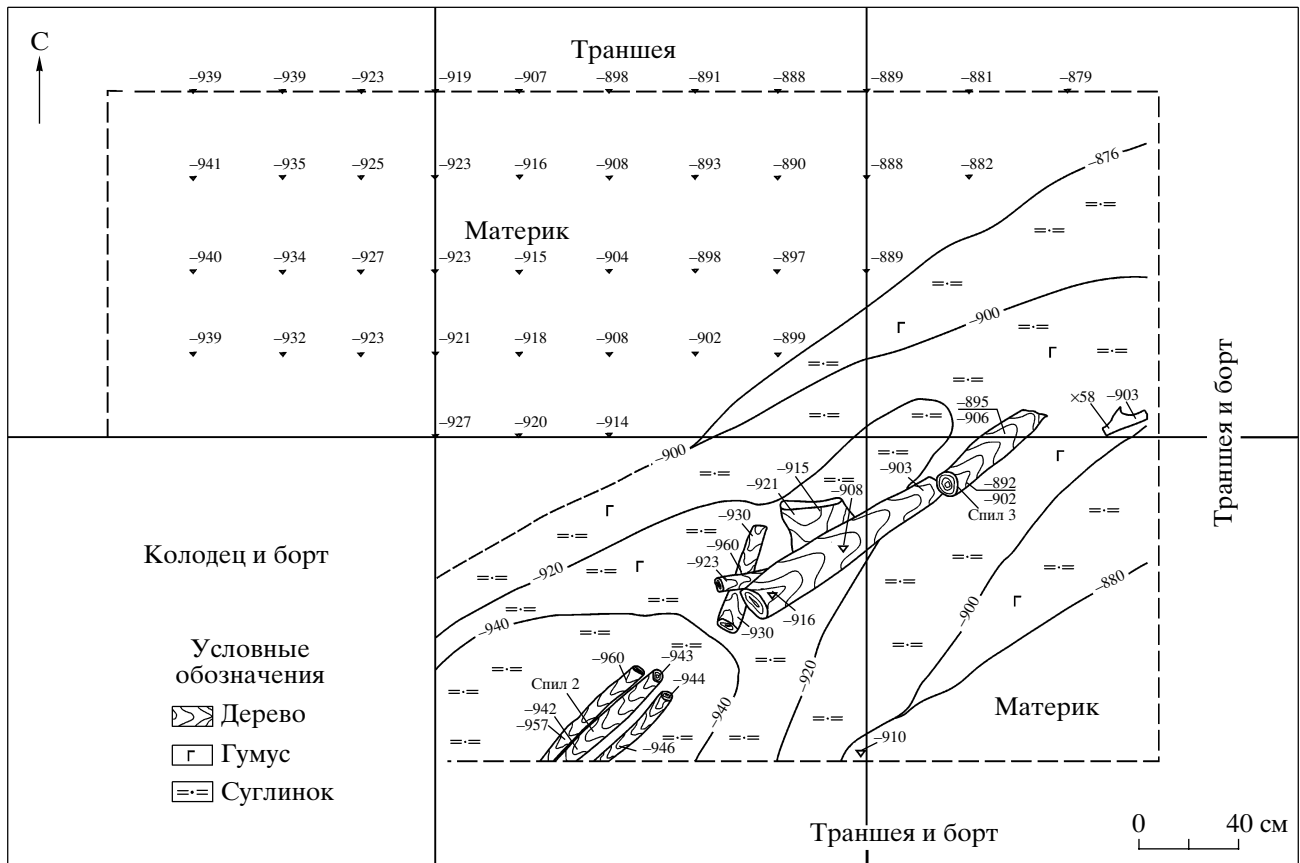

Рис. 5. Траншеобразная яма.

ванный экземпляр – это деталь корабля из погребения в Гокстаде (Норвегия), однако характер изображения там совершенно иной, уключина украшена стилизованной антропоморфной личиной (Vikingen, 1975. S. 268).

Обратимся к проблемам интерпретации исследованных конструкций. На территории Восточной Европы до настоящего момента не выявлено ни одной портовой конструкции, относящейся к раннему периоду русской истории. Отсутствие сравнительного материала заставляет обратиться к материалам Северной Европы и Балтийского региона, где портовые сооружения исследуются давно и плодотворно (Tollnes, 1973; Filipowiak, 1981; Smolarek, 1981; McGrail, 1985; Elmers, 1989). Археологические исследования, привлечение этнографических материалов показали, что структура ранних портовых сооружений не была унифицирована (McGrail, 1985. P. 13). На ранних этапах зона причала как на морском берегу, так и в рамках речных систем могла не оформляться никакими дополнительными сооружениями – лодки и корабли просто вытаскивались на берег. Археологические критерии для обнаружения подобных мест быть не может, за исключением уникальных случаев находок судов или их деталей. Самыми при-

митивными сооружениями были камни и столбы, которые использовались для швартовки судов (рис. 6); (Elmers, 1983–1984, S. 6; McGrail, 1985. P. 13). Более сложным процессом было сооружение различных “твердей” – настилов для удобного подхода к воде через топкие участки. Подобные настилы могли быть дощатыми (рис. 7, а; Christophersen, 1999. P. 164. Fig. 7) или плетневыми (рис. 7, б; McGrail, 1985. P. 13) и могли быть использованы не только для подхода к воде, но и для вытаскивания судов. Наиболее совершенными портовыми конструкциями для эпохи викингов могут быть признаны молы, выступающие за пределы береговой линии, подобные конструкции исследованы в Доррестаде, Ральсвике и других портовых городах (Van Es, Verwers, 1980; Herrmann, 1997. S. 59. Abb. 33).

Представляется очевидным, что обнаруженные в 2005 г. конструкции в районе оз. Бездонка так или иначе связаны с жизнью Гнездова как речного порта. Вероятно, использование исследованной территории на протяжении истории поселения менялось. Наиболее четко поддаются интерпретации строительные горизонты, получившие название “настил 1” и “настил 2”. Остатки системы в расположении досок, почти полное отсутствие случай-

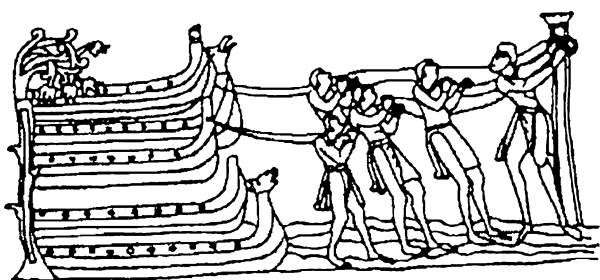

Рис. 6. Швартовка судов. Прорисовка фрагмента ковра из Байо. XI в. (по Elmers, 1983–1984).

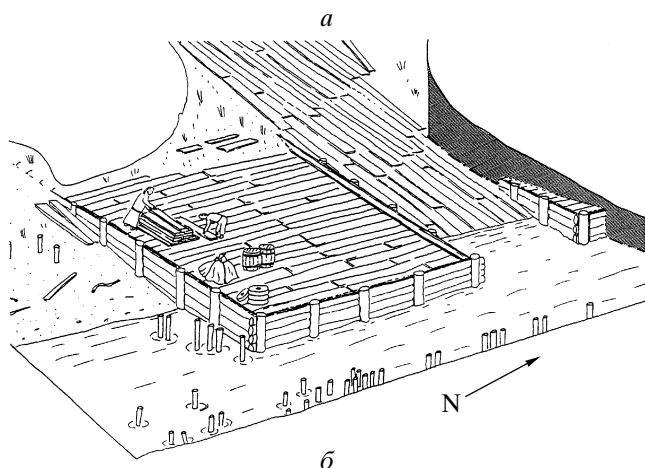

Рис. 7. Реконструкции: *a* – прибрежные сооружения Тронхейма (Норвегия), XII в. (по Christophersen, 1999); *б* – плетневый настил из Грейвней, Северный Кент, Великобритания, X в. (по McGrail S., 1985).

ных, необработанных фрагментов древесины говорит о том, что выявлены настилы, построенные в направлении, соединяющем берег озера и первую надпойменную террасу. Наиболее основательным сооружением, судя по его остаткам, был “настил 1”, при сооружении которого, возможно для гидроизоляции, использовались берестяные “циновки”. “Настил 2” имел более простую структуру: он состоял из крупных досок, уложенных прямо на материк. Использовались ли эти настилы для простых бытовых целей, таких как рыбная ловля или стирка, или служили в качестве вспомо-

гательных сооружений при вытягивании речных судов на сушу для их ремонта или спуска на воду, сказать невозможно. Вряд ли можно предложить археологические критерии для разделения этих функций, скорее всего, эти несложные сооружения использовались в самых разных целях.

Наиболее сложны для интерпретации самый ранний и самый поздний слои. В верхнем слое дерево не сохранилось, очевидно лишь, что отнесенные к нему объекты погибли от пожара. Возможно, на финальном этапе жизни поселка на исследованной территории перестали сооружать настилы – в пользу этого говорят выявленные в составе слоя небольшие каменные очажки и кухонные остатки (многочисленные кости животных) вокруг них. Самый ранний из “настилов” содержал лишь бессистемно лежащие фрагменты дерева, которые могли быть как остатками простейшей гати, так и случайно попавшими на этот участок кусками древесины. Большой интерес вызывает исследованная часть траншееобразного сооружения с остатками деревянной обкладки по борту. Можно предположить, что это остатки внутреннего волока в системе р. Днепр – р. Свинец – оз. Бездонка – оз. Камыши. Канавы, которые могли быть использованы в качестве волока, обложенные деревом, относящиеся, правда, к гораздо более позднему времени (рис. 8), были зафиксированы на территории Швеции (Ambrosiani, 1991. P. 103. Fig. 4). Подобная система могла использоваться при перемещении судов в процессе их строительства и ремонта. Судоремонтная или судостроительная деятельность жителей Гнездова документируется не только археологическими источниками, но и результатом анализа споро-пыльцевой колонки. Материальным свидетельством деятельности кораблестроителей могут быть многочисленные железные заклепки, значительное количество которых, в том числе и полуфабрикатов (шайбы с не пробитыми отверстиями), в изобилии найдены, например, в районе кузнечно-ювелирной мастерской, исследованной в районе оз. Камыши (Мурашева и др., 2003). Выдающееся содержание конопли в пыльцевом спектре (Зазовская, Бронникова, 2001. С. 199) может свидетельствовать об использовании этой технической культуры в производстве канатов и веревок для оснастки судов.

Дробную датировку исследованной системы напластований предложить пока невозможно. Находки в составе слоя немногочисленны и они не являются точными хронологическими маркерами, это скорее находки-символы (прежде всего это относится к самым ранним из них – напильнику и уключине, указывающим на расположение поселка на трансевропейском речном пути и на ремесло, как один из видов деятельности жителей). Очевидно лишь, что нижние строительные ярусы (траншея и “настил 3”) относятся к раннему этапу жизни поселения, к периоду до начала использова-

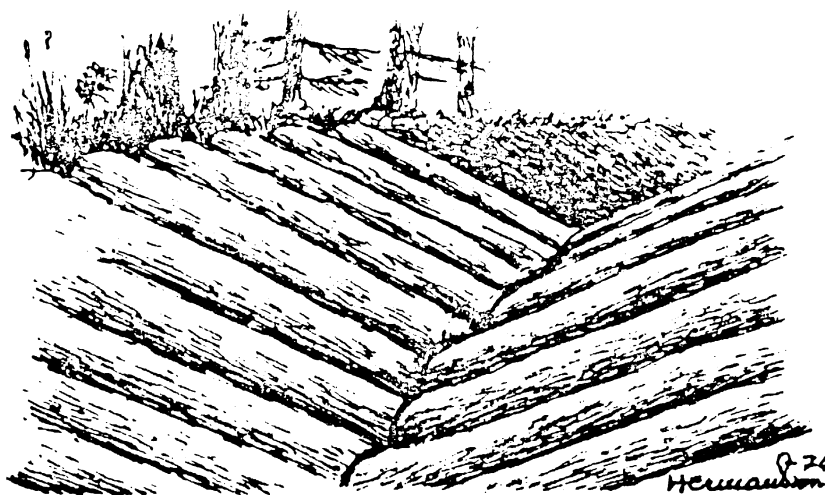

Рис. 8. Волок, Швеция, 1920-е годы (по Ambrosiani B., 1991).

ния гончарного круга. Исследователи относят появление гончарного круга ко второй четверти X в. (Каменецкая, 1977. С. 114, 115; Жарнов, 1992. С. 131, 132), таким образом, ранние напластования, вероятно, можно датировать временем не позже первой четверти X в.

Подводя итоги первым небольшим исследованиям в районе оз. Бездонка в пойменной части поселения, можно утверждать, что наиболее важным результатом можно считать получение новой информации о топографии Гнездова, выявление особой зоны, возможно связанной с функционированием Гнездова как одного из центров на Волхово-Днепровском речном пути.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 06-05-65218 и гранта РГНФ 05-01-1899е.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А. Гнездово и днепровский путь // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефедов В.С. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнездовского археологического комплекса // РА. 2006. № 1.
- Асташова Н.И. Постройки древнего Смоленска // Проблемы истории СССР. Вып. VIII. М., 1979.
- Зазовская Э.П., Бронникова М.А. Палеоландшафты Гнездова: реконструкции, перспективы исследования // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археол. сб. Тр. ГИМ. Вып. 124. М., 2001.
- Ениосова Н.В. Ювелирное производство Гнездова. Дис. ... канд. ист. наук. Т. II. М., 1999.
- Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. № 32.
- Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968.
- Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Мурашева В.В., Фетисов А.А., Ениосова Н.В. Производственный комплекс на территории пойменной части Гнездовского поселения // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003.
- Нефедов В.С. Гнездовский археологический комплекс и путь “из варяг в греки” // Гнездово: история и современность. Смоленск, 1998.
- Пушкина Т.А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Тр. V Междунар. конгр. славянской археологии. Киев, 1987.
- Пушкина Т.А. Гнездово – на пути из варяг в греки // Путь из варяг в греки и из грек. Кат. выставки. М., 1996а.
- Пушкина Т.А. Новый Гнездовский клад // ДГ. 1994. М., 1996б.
- Сорокин П.Е. Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в Средневековье. СПб., 1997.
- Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии // МАР. № 28. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. СПб., 1902.
- Ambrosiani B. Birka: Its waterways and hinterland // Aspects of Maritime Scandinavia AD 200–1200. Roskilde, 1991.
- Arrhenius B. The Drocksjö find // Outils et ateliers d'orfèvres des temps anciens. Paris, 1993.
- Arwidsson G., Berg G. The Mästermyr find. A Viking Age Tool Chest from Gotland. Stockholm, 1983.
- Elmers D. Von der Schiffslände zum Hafengebäude // Jahrb. der Hafentechnischen Gesellschaft 40. 1983–1984.
- Elmers D. Die Archäologie der Binnenschifffahrt in Europa nordlich der Alpen // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Teil V. Göttingen, 1989.

- Christophersen A.* The waterfront and beyond // Maritime Topography and the Medieval Town. Copenhagen, 1999.
- Filipowiak W.* Wolin, Poland // Waterfront archaeology in Britain and northern Europe. L., 1981.
- Herrmann J.* Ralswiek auf Rügen. Die slawisch-wikingischen Siedlung und deren Hinterland. Teil I. Die Hauptsiedlung. Lübstorf, 1997.
- McGrail S.* Early landing places // Conference on waterfront archaeology in North European towns № 2. Bergen 1983. Bergen, 1985.
- Petersen J.* Vikingetidens redscaper. Oslo, 1951.
- Smolarek P.* Ships and ports in Pomorze // Waterfront archaeology in Britain and northern Europe. L., 1981.
- Tollnes R.L.* Kaupang und Tønsberg als Beispiele einer Stadtopographie // Frühe Städte im westlichen Ostseeraum. Kiel Papers № 72. 1973.
- Tomtlund J.-E.* Tools // Excavation at Helgö V. 1. Stockholm, 1978.
- Van Es W.A., Verwers V.J.H.* Excavations at Dorestad 1. The Harbour. Hoogstraat I. Amersfoort, 1980.
- Vikings.* Göteborg. 1975.
- Westphalen P.* Die Eisenfunde von Haithabu. Neumünster, 2002.

In search of the Gnezdovo port

V. V. Murasheva

Summary

The article publishes the results of initial investigations aimed at identifying the port structure of ancient Gnezdovo (end of the 9th – beginning of the 11th cc.) – a key point on the Trans-European Volkhovo-Dnieper river route. The main objects of interest were the shores of the small Lake Bezdonka, situated at the bottom of the Central hillfort and connected by a channel to a tributary of the Dnieper. Preliminary drilling (in this part of the settlement the cultural layer is blocked off by alluvial deposits) and small stationary excavations (24 m²) in 2005 revealed a whole system of plank decks, which led from the second bottom to the lake. The most interesting, and the earliest of the constructions discovered, was a trench with fragments of thick pole lining preserved on one of the sides. Among the infilling, a ship oarlock with carved geometric ornament was found. One may suggest a tentative hypothesis that the construction is the remnant of a portage trail, which served to move ships in the course of repair or construction.